

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сюэ Бин (Минск, Беларусь)

Одной из дискуссионных проблем современной лингвистической науки является описание семантики местоимений, которые занимают особое место в общеграмматической системе языка. Традиционно местоимения объединяются в лексико-грамматический класс слов, которые не имеют предметного (вещественного) значения, т. е. не называют предметы, признаки и количества, а только указывают на них. В некоторых работах отмечается, что семантическая структура местоимений не ограничивается собственно дейктическим и заместительными компонентами и включает ряд дополнительных смыслов, в число которых включаются номинативность и абсолютная референтная самостоятельность.

Местоимения являются одним из важнейших средств языковой референции, актуализации предложения и логико-психологического построения высказывания. Этим определяется роль этого класса слов в синтаксисе, семантике и прагматике связного текста [1, с. 2]. Местоимения выполняют важную роль в формировании смысловой и композиционно-информативной целостности текста, в котором они могут выходить за пределы дейктического значения и проявлять свойства своеобразных заместителей других частей речи. Наиболее ярко такое свойство выявляется у личного местоимения «я», которое в различных контекстовых ситуациях расшифровывает авторские намерения, воплощения и отождествления». Чаще всего преломление авторского «я» осуществляется в направлении человека (это так называемая персонифицированная метафора) и включает самые различные свойства и качества людей, связанные с родом их занятий, сферой деятельности, профессией, занимаемой должностью, социальной и национальной принадлежностью, возрастом, материальным состоянием, умственными способностями и др.

В русском и китайском языках персонифицированные местоимения-метафоры характеризуются высокой частотностью употребления, широтой и многообразием возможных отождествлений и уподоблений. Материалом для исследования послужили конструкции с личным местоимением я, выявленные в текстах Национального корпуса русского языка, Корпуса Пекинского университета языка и культуры (ВСС) и Корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета (ССЛ). В персонифицированных местоименных конструкциях «я» может отождествляться с наименованиями лиц в их вторичных значениях по следующим признакам:

1. В корпусе персонифицированных метафор чаще всего используются наименования человека, связанные с родом занятий, работой, службой, выполняемыми обязанностями и обязательствами: *Он долго не мог поверить, что я водитель такси* (В. Шахиджанян); *А я поэт. Я верую в бессмертье* (И. Сельвинский); “我是医生。” 她点点头。(高行健) – *Я врач. Она кивнула* (Гао Синцзянь); “我是记者,” 我只好赶紧说。(高行健) – *Я журналист, – пришлось сказать мне поспешно* (Гао Синцзянь); 我是农艺师, 善于改良土壤。(莫言) – *Я агроном, умею улучшать почву* (Мо Янь).

2. В структуре текста часто обыгрываются вторичные значения существительных, указывающих на родственные и семейные отношения: *Я дочь лукавой Евы* (О. Мандельштам); *Простите, я папа Беллы, могли бы вы ее позвать на несколько минут* (А. Ромашин); 宝坠惆怅地说, “我是哥哥。” (迟子建) – *Баочжуй сказал с сожалением: «Я – старший брат»* (Чи Цзыцзянь); 他自己叨唠着: “我知道你成, 可是别忘了, 我是你爸爸!” (老舍) – *Он лепетал про себя: «Я знаю, что ты успешен, но не забывай, что я твой отец!»* (Лао Шэ).

3. Нередко в местоименных конструкциях внимание сосредотачивается на внешних чертах человека, как правило, красоте, внешней привлекательности: *Я красавец. Я юн... и еще*

хоть куда! (И. Уткин); Эх, был я мальчик с синими кудрями (В. Катаев);你不会叫我受伤害吧?我是天下最美丽的姑娘,你听过我唱的歌吗?(阿来) – Ты не сделаешь мне больно, правда? Я самая красивая девушка на свете. Ты слышал мою песню? (Алай).

4. В поле зрения многих авторов попадает возраст человека: Тебе рано об этом думать. Я старик (Н. Фоменко); Я юноша в фуражке – Семнадцать только лет (Е. Кропивницкий);我是老人家了,不像人家年纪轻的人爱修饰。(张恨水) – Я уже пожилой человек, не люблю наряжаться как молодые (Чжан Хэньшуй).

5. Не остаются незамеченными внутренние качества человека, темперамент, черты характера: Я человек веселый, я всех люблю (Л. Толстой); Я скандалист! Я не монах, Но как под ноготь взять Адуева? (В. Маяковский);心里说:“我是天字第一号的老实人,怕什么呢?”(老舍) – Мысленно он сказал: «Я самый честный человек в мире, чего мне бояться?» (Лао Шэ).

6. Нередко в конструкциях с личным местоимением выражаются дружеские отношения: – Я друг вашего покойного квартиранта, – сказала она, подбирая каждое слово к слову (А.И. Куприн); На поклонах Андрияша посмотрел на меня так, будто я враг народа (Н. Бестемьянова, И. Бобрин, А. Букин);我是你的朋友!我愿意和你作最好的朋友,只要你肯接受我的善意的劝告!(老舍) – Я – ваш друг! Я хотел бы стать твоим лучшим другом, если только ты примешь мой добрый совет! (Лао Шэ);阿里点头:“我是你的敌人。”(温瑞安) – Али кивнул: «Я твой враг» (Вэнь Жуйань).

7. Характеристика человека часто осуществляется с ментальной точки зрения, его умственных способностей. Чаще всего актуализируется отрицательная сема: Дура я, самая что ни на есть (И. Ефремов); Слушай, Алька, скажи ей, что она права, – я дурак (В. Аксенов);“我是傻子,麦其家的傻子。”说完这句话,我的泪水就下来了。(阿来) – Я – дурак, дурак семьи Майци. Слезы стекли по моему лицу, когда я это сказал (Алай).

8. В сфере местоименных конструкций включаются маркеры национальности: Я – русский, но мои родители еще в советские времена переехали в Ташкент, где я и появился на свет. (Е. Макаров); Ведь я англичанин, мне льды по газетам знакомы (Б. Поплавский);离开了祖国,我有一个明显的感觉:我是中国人。(巴金) – Покидая свою страну, я отчетливо ощущаю, что я – китаец (Ба Цзин).

9. В текстах часто содержится указание на религиозную принадлежность: Я уважаю все религии, но по семейной традиции, домашнему воспитанию я – буддист (Л. Шинкарев);歐阳渐回答:“我是佛教徒,也是中国人!”(王火) – Оуян Цзянь ответил: «Я буддист, и китаец!» (Ван Хо).

10. Противопоставление по роду, половой принадлежности также выявляется в местоименных структурах: Я мужчина – это прежде всего (А. Чехов); Я – женщина, твердый воин, А попала цветку во власть (А. Баркова);不过上房里好像有女人哭骂的声音,隐约听见“我是有夫之妇……你钱也不成”(许地山) – Но в горнице, кажется, раздается женский плач и ругань, смутно слышится: «Я замужня женщина. Даже если вы богаты …» (Сюй Дишань).

11. В метафоризованных контекстах нередко указывается на материальное состояние: Я человек богатый, свеж, румян И пользуюсь всеобщим уважением. (В. Жуковский); У поэтов пышные облачения, А я не поэт – я нищий (И. Эренбург);光子说:“我是穷光蛋的人。”(贾平凹) – Гуанцзы сказал: «Я бедный человек» (Цзя Пинва);“我是有钱人没错呀.怎么你的口气像我犯了法见不得人似的。”她眨着眼,扶住他的手要站起身。(席绢) – «Я богатый человек, это не виноват. Почему ты говоришь так, будто я нарушаю закон». Она моргнула и взяла его за руку, чтобы встать (Си Цзюань).

12. Художественные тексты насыщены локативными значениями, указывающими на место рождения, проживания человека: Свои права на подобные вопросы Игорь мотивирует просто: я житель Кубани, гражданин России (О. Андреева);直到韵梅问她难道不害怕吗?她才简单的说了句:“我是乡下人!”(老舍) – И только когда Юньмэй спросила,

не страшно ли ей, она просто ответила: «Я деревенская жительница!» (Лао Шэ); 我是北方人, 我还是想回哈尔滨。(梁晓声) – Я – северянин, и все равно хочу вернуться в Харбин (Лян Сяошэн).

В расшифровке авторского «я» и его семантизации могут участвовать другие сегменты жизнедеятельности человека, которые рельефно представлены в следующих иллюстрациях: Я виртуоз из виртуозов В искусстве лжи (М. Цветаева); Я друг свобод. Создатель педагогики (М. Волошин); 我是瞎子。面前的大叔、大哥、大婶子、大嫂子们, 可能行个方便, 找间空屋留我住一宿? ” (莫言) – Я – слепой. Не могли бы вы, дяди, братья, тети и невестки, найти свободный дом и позволить мне переночевать? (Мо Янь).

Таким образом, личное местоимение «я», рассматриваемое в статье не с точки зрения морфологии («формы»), а с точки зрения его семантики и выполняемой функции в русском и китайском языках, ярко продемонстрировало специфику воплощения в местоименных формах фрагмента национальной языковой картины, а также особенности репрезентации человека сквозь призму метафоры. Одним из самых распространенных способов семантизации местоимения является персонификация, посредством которой указывается на сферу деятельности человека, его родственные отношения, возраст, национальную и религиозную принадлежность, материальное состояние, умственные способности и другие аспекты жизнедеятельности человека.

Библиографический список

1. Матвейкина, Ю. И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект : на материале произведений В. О. Пелевина и С. Д. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. И. Матвейкина; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 22 с.

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СКАЗКИ

Сяо Кайсянь (Минск, Беларусь)

Антропоцентрическая парадигма в исследовании современных лингвистических явлений, в частности, прецедентных феноменов, определяет место человека как носителя определенной информации в триаде человек – язык – культура, что предполагает обращение к тексту, обладающему национально-культурной спецификой. Вопросы взаимодействия различных культур с точки зрения установления национально-специфического как основы ценностной ориентации людей, привлекают все большее количество исследователей. Сопоставительное изучение культурных реалий, находящихся отражение в языке, особенно важно для установления отличительных особенностей языковой картины мира различных народов с целью расширения межнационального сотрудничества. И в этом плане сказка, имеющая длительную историю как в русском, так и в китайском языкознании, – это, отмечает Ю. М. Лотман, «конденсатор культурной памяти» [1]. Простые по форме и содержанию, на первый взгляд, сказки на самом деле являются поликодовыми образованиями, представляющими национальное видение мира народа, историю его развития и современное состояние.

Впервые термин *прецедентный* текст был введен Ю. Н. Карауловым, к основным характеристикам которого ученый относит хрестоматийность, общеизвестность, познавательную и эстетическую ценность, воспроизводимость, в результате чего тексты становятся «фактом культуры» [2, с. 217]. Национально-культурный компонент коммуникации формируется в про-